

ЭТНИЧЕСКОЕ И КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ КАК ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ

Работа представлена научно-учебной лабораторией исследования конфессиональных проблем Института истории культуры Прикамья Удмуртского государственного университета.

Исследование взаимоотношений между народами и религиями, которые они исповедуют, в течение многих веков остается одной из сложнейших проблем для историков, этнологов, религиоведов, конфликтологов и т. д. Отсутствие одного «простого» решения заставляет постоянно возвращаться к этой комплексной и деликатной теме.

Ключевые слова: этнос, конфессия, мировые религии,

Yu. Semenov

THE ETHNIC AND THE CONFESSIONAL AS A RESEARCH PROBLEM

The research of mutual relations among people and religions, which they confess, remains one of the most complicated problems within many centuries for historians, ethnologists, theologians, conflictologists, etc. The absence of a single, “simple” decision makes scientists come back constantly to this complex and delicate theme.

Key words: compromise, faith, world religions, contradiction, ethnos.

Тесная связь национального и конфессионального факторов формировалась в течение всей истории человечества и существует до настоящего времени во всех религиях мира. Поэтому история любого этноса – это и история его религий, так как нерелигиозных этносов в истории не существовало.

«Наука о религии вправе на основании огромного этнографического материала ка-

тегорически сказать, – писал исследователь первобытных религий, этнограф Л. Я. Штернберг, – что до настоящего времени не найдено ни одного племени, на каком бы низком уровне оно ни стояло, которое не имело бы никаких религиозных представлений, которое не знало бы социальной организации, терминов родства, не имело бы сложной ткани обычаев и обрядов» [10, с. 2].

Мифологические представления, религиозные чувства и культ – важнейшие элементы всякой религии, вплетаясь в этнический организм того или иного народа, приобретали этническую форму. Религиозное мироощущение, обрядовая практика, религиозная мораль, церковные установления глубоко проникают в повседневную жизнь народа, многое в ней определяют, и сами становятся частью этноконфессионального своеобразия. Поэтому даже мировые религии в силу взаимодействия с повседневным бытом народа в различных регионах отличаются определенным национальным колоритом. В каждой этнической среде в течение многих веков сложилось национальное самосознание, в котором этнический и конфессиональный компоненты являются полноценными. Они тесно связаны между собой, и невозможно определить, что из них первично, что вторично.

Особенность многонациональной Российской Федерации в том, что на ее территории встречаются две великие цивилизации – христианская и исламская. И очевидно, что большинство населения России, даже не будучи религиозным, каким-либо образом причисляет себя к той или иной культуре. Религия корнями своими оказывается в России связанной с понятием национальности. В частности, для многих православие – это лишь форма сохранения родной этнической самобытности (русской, удмуртской, грузинской, армянской и т. д.). И тезис о том, что во Христе «нет ни иудея, ни эллина» в России часто оказывается несостоятельным. Этническое берет верх над религиозным.

Оценивая роль религиозного фактора в отношениях между народами, следует исходить из реальной роли религии в этих отношениях, не допуская неадекватности. Применительно к исследуемой теме влияния религии на межэтнические отношения религиозный фактор наиболее заметно проявляет себя прежде всего посредством выполнения религией (конфессией) интегрирующе-дезинтегрирующей функции. В качестве религиозного фактора берется не религия сама по себе, а ее функционирование на определенном историческом отрезке, при этом религиозные институты рассматри-

ваются в качестве субъектов деятельности. Когда после распада СССР наступила эпоха этнической мобилизации, новые лидеры стали искать легитимные формы своей консолидации, и одной из этих форм стала религиозная традиция.

Ни одна религия сама по себе не в состоянии породить острые, конфликтные ситуации, если для этого не создано экономических или социально-политических предпосылок, точно так же, как не может произойти конфликта только на почве межэтнической. В свою очередь, религиозные системы, взаимодействие конфессий оказывают обратное влияние на отношения между народами, вписываясь в живую ткань этнической специфики. Иначе говоря, степень остроты отношений между этническими образованиями не вытекает напрямую из конфессиональных различий между ними, а является следствием развития социальной и политической ситуации.

Сложность поднимаемой проблемы состоит еще и в том, что наряду с национальной гордостью и патриотизмом взаимодействие национального и религиозного в массовом сознании порождает такие системообразующие элементы, как национализм, шовинизм, фундаментализм, различные формы религиозно-националистического сознания. Факты проявления национального эгоизма, подогреваемые религиозным фанатизмом, приводят к острым, долговременным конфликтам.

Идея равенства и справедливости предполагает равенство религиозных воззрений. Национализм же признает равными только людей «своего» вероисповедания, а в отношении сотрудничества или распределения материальных, духовных и социальных благ гласно или негласно признает двойной стандарт. То, что справедливо по отношению к своему соплеменнику, единоверцу не может быть справедливым по отношению к другому, инаковерующему, иноплеменнику, и наоборот. Религиозное сознание, искаженное кривым зеркалом национализма, может и в отношении вечных (христианских, мусульманских, общечеловеческих) заповедей, ценностей, нравственных принципов и устоев подходить с двойным стандартом. И тогда

искренне верующий, гуманный, впитавший с молоком матери отвращение к убийству и краже добропорядочный гражданин в условиях межнациональной вражды может стать насильником, мародером, убийцей. Более того, его восхваляют в церквях, мечетях, синагогах как борца за веру, героя и спасителя Отечества. Религиозное мироощущение, обрядовая практика, религиозная мораль, церковные установления глубоко проникают в повседневную жизнь народа, многое в ней определяют, и сами становятся частью этноконфессионального своеобразия.

Самобытность и разнообразие этнических общностей и особенности вероисповедания зачастую приводят к конфессиональным формам нетерпимости на почве веры в «своих» богов. Историки и этнографы неоднократно отмечали наличие специфических обрядов, исполнение которых должно было принести вред враждебному племени. Особенно часто прибегали к подобным обрядам в период боевых действий. Эта печальная традиция не утрачена и в наши дни.

На практике отношения между народами зачастую могут отражаться в превращенной форме. Фактическое неравенство народов, отражаемое религиозным самосознанием, приобретает конфессиональный характер. Религиозная нетерпимость, характерная для любой религии, может принимать разнообразные формы и иметь самые различные оттенки.

Накопленные за столетия совместного проживания народов обиды, их регулярное возобновление в памяти, укрепляют недоверие, служат катализатором нынешних и будущих межнациональных конфликтов, превращают их в долговременные, и обеспечивают заинтересованной стороне бессмертие национализма. Изменения, происходившие в мире, были обусловлены далеко не только религиозными факторами, поэтому невозможно рассматривать их динамику, исходя лишь из религиозного понимания. В то же время отсутствие внимания к роли религиозного фактора в межэтнических, а впоследствии и межгосударственных отношениях, когда секуляризация стала обычным явлением, часто приводило к ошибочным выводам.

Отождествление этнической и конфессиональной принадлежности к одной из мировых религий опирается на связь, которая представляет собой «врастание» мировой религии посредством таких составляющих, как мифологические представления, религиозные чувства и культ, в этнические формы жизни и постепенное замещение домотеистических взглядов на мир. Мировые религии, имея в целом наднациональный характер, тем не менее в реальности представлены национальными, а точнее, государственными церквями. В процессе распространения в разных странах, на различных этапах истории они приспособивались к происходившим изменениям и не раз дробились на части, замыкавшиеся в рамках государственно-национальных образований. Например, православие разделено на ряд автокефалий, которые именуются по принадлежности к своему национальному образованию: русская, украинская, болгарская, грузинская и т. д. В каждой из них в течение веков сформировались свои особенности, наиболее характерные в обрядовой сфере. Меньшие отличия имеются в ортодоксальном католицизме с его единой централизованной организационной структурой.

Отдельные христианские вероисповедания претерпели, своего рода, «инволюцию»: национальной религией шотландцев стало пресвитерианство, англичан – англиканство. Существуют определенные национальные различия и в обрядах протестантских общин. Менее заметна «национальная окраска» в буддизме, но и он в каждой стране приобретает свой особый облик. Аналогичные явления наблюдаются и в исламе. Религия, с одной стороны, объединяет людей, принадлежащих к разным племенам и народам на единой конфессиональной основе, с другой – ведет к разобщению на конфессиональной почве. Если народами решается общая историческая задача, то они встают на путь создания своих союзов, своей системы соподчинения, формируя тем самым общие принципы самосознания, подчиняя этнические интересы интересам более высокого уровня, и безболезненно воспринимают религиозные взгляды друг друга. Наиболее отчетливо объединительные функции проявляются в тех случаях, когда

этническая и конфессиональная общности в процессе исторического развития сливаются в этноконфессиональном симбиозе. В значительной степени снижаются эти функции в случае, когда религия распространена среди многих этнических образований, особенно если они находятся на различных стадиях социального развития. Общность религиозных воззрений в этих случаях – явно недостаточный фактор для преодоления возникающих противоречий, объективно существующих в моноконфессиональном, но полиэтничном социуме.

Но в условиях социальной поляризации этот процесс оказывается крайне противоречивым, ибо в самом объединении уже имманентно присутствуют отношения господства и подчинения.

В целом интегративные функции даже мировых религий достаточно ограничены, так как наиболее полно они реализуются в рамках религиозной общины, в поле воздействия одного религиозного направления. В отношении иных общин в действие вступает, помимо религиозного, целый ряд других факторов, которые часто играют разъединяющую роль: экономический, политический, социальный и т. д. Как христианские, так и мусульманские государства часто оказывались и оказываются в противоположных политических и военных лагерях, а религиозная солидарность не в состоянии снять социальные или политические противоречия.

Несходство различных взглядов на прошлое, настоящее и будущее, на место и роль в их истории того или иного народа и его религии объединяется тем обстоятельством, что «снятие» различных форм общественной жизни не сразу и не всегда получает непосредственное отражение в духовной сфере. В ней формируются достаточно устойчивые представления, на основе которых этносы дифференцируются по особым духовным признакам. Эта дифференциация может обретать характер метафизического представления религий как антиподов, придерживающихся различных «символов веры». Таково, например, отношение христианства к язычеству, мусульманства к христианству и даже православия к католи-

цизму. Между тем, объективно все они внесли свой весомый вклад в исторический процесс человечества и общечеловеческую культуру, плодами которых мы пользуемся сегодня. Субъективные же критерии порождают расколы даже внутри однотипных вероисповеданий, ведут к различным толкованиям абсолютной истины бытия, вплоть до печально известных в истории религиозных войн.

Мировая религия по своей объективной сущности и социальной функции сметает застывшие, закостеневшие националистические предрассудки, но в определенных условиях может способствовать различным проявлениям национализма, вырастающим на почве неадекватной оценки места и роли этноса в истории.

Еще П. Н. Милюков в известном труде «Очерки по истории русской культуры», вышедшем в самом конце XIX в., пишет: «Британская религия возматерила и воспитала британскую мысль, и сама вместе с ней выросла: вот секрет господства религиозных идей над умом даже современного британца. Французская религия, напротив, сделала все усилия, чтобы воспрепятствовать развитию современного научного и философского духа; отсюда – враждебное отношение к ней французов. Что касается русской религии, она не имела возможность сделать ни того, ни другого» [2, с. 373]. Следует отметить, что автор во всех случаях речь ведет о христианстве.

На этническую специфику буддизма еще в начале XX столетия обращал внимание русский исследователь Б. Немиров. Автор подчеркивает разницу между буддизмом в Индии, на Индокитайском полуострове (Бирма, Сиам) и на Цейлоне. Повсюду особенности буддизма обусловлены историческими традициями, путями проникновения буддизма на территории государств, а также характером контактов с древними местными верованиями [3, с. 1].

В не потерявшей актуальности и сегодня статье «Проблемы периодизации истории религии» выдающийся отечественный этнограф С. А. Токарев, отмечал, своего рода, «инволюцию» отдельных христианских вероисповеданий – от мировых религий к национальным.

Так произошло с отдельными христианскими вероисповеданиями, в частности: «Пресвитерианство стало национальной религией шотландцев, англиканство – англичан, армяно-грегорианская церковь – национальной религией армян и т. д. Аналогичные явления наблюдаются в исламе: ваххабитизм стал в значительной мере государственной религией Саудовской Аравии, шиизм – в значительной мере религией Ирана, друзы – мусульмане Ливана. «...В буддизме меньше заметна эта «национализация церкви», но и он в каждой стране принимает свой облик» [8, с. 86].

О китайской специфике буддизма пишет, в частности, Дайсэцу Тайтаро Судзуки – профессор буддийской философии университета Отани в Киото. Он говорит о «сращивании» буддизма и великоханьского самосознания: «Учение Бодхидхармы (дзэн. – Ю. С.) стало пускать корни в Китае примерно через два столетия после его смерти. Именно тогда китайский народ стал приспосабливать его к своим нуждам и, насколько это было возможно, соотносить с особенностями своего ума. Дзэн в той форме, которая нам известна сегодня, не мог созреть ни в какой другой стране, кроме Китая» [7, с. 327].

Более того, отмечая, что буддизм чужд Западу, он категорично заявляет: «Несмотря на огромное значение дзэн-буддизма для понимания трансформационного процесса, его использование западными людьми в высшей степени невероятно. На Западе отсутствуют духовные концепции, необходимые для дзэна» [7, с. 327]. И, как следствие, «...прямая передача дзэна в западные условия непохвальна и даже невозможна» [7, с. 328].

Факторами, которые могут способствовать укреплению политической воли носителей национального самосознания, могут служить наличие развитого эпоса, мелоса, религиозного культа. Для завоеванных, покоренных народов вера предков наряду с родным языком служила и служит фактором поддержки национального самосознания, веры в освобождение от гнета иноплеменников и иноверцев. В конечном счете, и формирование единого государства, как правило, связано с наличием развитого пантеона богов, с выделением главных божеств, с

личным участием священнослужителей. Вместе с тем их консолидирующая роль в борьбе за национальную независимость в сильнейшей степени зависела от массы факторов экономического, политического, личностного и пр. порядка. Еще в древности, только опираясь на широкие слои народа, на решительность и смелость Саула, пророки Израиля и Иудеи смогли поднять племена на восстание против угнетателей. Жрецы Афин и Спарты были бы бессильны без Перикла и Леонида.

Духовным вождем, выразителем прогрессивных идей стал украинский митрополит Иов Борецкий. Опираясь на массовую поддержку различных слоев формирующейся украинской нации, выступая против ополячивания и окатоличивания, стремясь к союзу с православной Россией, митрополит Иов в 1624 г. использовал формальный предлог (получение жалованья у патриарха Московского) и добился аудиенции царя, просив принять под высокую царскую руку казаков и освобожденных в ходе восстания 1620–1630 гг. в украинские города. В конечном счете, труды его и его соратников, в первую очередь Богдана Хмельницкого, завершились в 1654 г. Переяславской Радой и реальным формированием украинской государственности [5, с. 334].

В этом комплексном процессе этнизации отдельных компонентов духовно-обрядового комплекса и состоит, на наш взгляд, сущность формирования прочных связей между определенной конфессией и народностью. Такая двусторонняя, объективно существующая прямая и обратная связь, возникающая между этнической общностью и конфессией при определенной организующей роли церкви, а впоследствии и государства, неадекватно отражаясь в сознании людей, тем не менее отвечает духовным поискам значительной части исповедующего данную религию этноса. В частности, видный российский политик, бывший Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации считает, что одной из доминант российского самосознания, всей нашей духовности и культуры является православие, которое больше тысячи лет окормляет российскую государственность и общественную жизнь.

В процессе глобализации человечество вступило в крайне сложную эпоху своего существования, когда мир одновременно организуется и хаотизируется, глобализируется и локализуется, объединяется и разделяется. Национальные границы начинают «растворяться», и местные культуры все в большей степени подвергаются воздействию унифицирующей моды и тенденции, источником которых преимущественно является Запад.

Однако существуют и тенденции противоположной направленности – барьеры самого различного характера возводятся взамен разрушенных, и один из них – «этническое возрождение» в промышленно развитых странах. Этот двуединый процесс оказывает сильнейшее влияние и на религиозные институты.

Модернизация даже в рамках одной религии и в одно время в разных государствах идет по-разному: более активно там, где светский элемент социальной жизни позитивно противостоит религиозному сознанию; менее активен в обществе с доминирующим религиозным сознанием, где светский элемент выражен слабо. Известны примеры, когда народы ищут в религиях предков спасение, утешение от невзгод, вызванных национальным угнетением, укрепления веры и надежды на счастливое будущее их народа. В последнем случае попытки модернизации религии воспринимается как подрыв веры предков, как измена нации. Такое движение известно как радикальный религиозный, христианский или исламский фундаментализм. Для него основным лозунгом является возвращение к истокам – культам и институтам, которые идеализируют прошлое, несовместимы с современной цивилизацией. Фактор этноконфессиональных отношений в общении между народами в определенные моменты истории может сыграть значительную роль.

Религиозная форма национально-освободительной борьбы на определенных этапах может ощутимо повышать авторитет религии, религиозных организаций и их руководителей. В верности богу и его учению лидеры этих движений видят более крепкую – и несоизмеримо более нравственную, чем этничность, соединительную нить между людьми. Примером может служить роль Русской право-

славной церкви в последней четверти XIV в., роль ислама на рубеже 70–80-х гг. XX в в Иране, Афганистане, роль католической церкви в Латинской Америке во второй половине XX в. и т. д. Многие вполне светские интеллектуалы в социалистической Польше посещали костел, символически подчеркивая свою преданность Польше независимой.

Особенностью большинства национально-освободительных движений XX столетия как в Азии, так и в Латинской Америке стало сочетание секулярного активного движения за национальное освобождение с религиозными лозунгами, поисками в традиционных верованиях или мировых религиях прогрессивных идей. Глобализация в формах, навязываемых Западом, воспринимается в этих регионах мира как угроза дальнейшему самобытному существованию, которая преодолевается посредством призыва к возвращению к традиционным формам общности – религиозной и этнической. Однако религиозная окраска идеологии национального движения, хотя и оказывала влияние на характер общественных движений, но не определяла в конечном счете их сущности.

Приверженность этнической группы какой-либо религии также может стать символом сопротивления и таким образом превратить религиозную принадлежность в способ отстаивания этнической принадлежности и политической самостоятельности. В частности, конфликт, спровоцированный в начале 2006 г. публикацией в газетах Европы карикатур на пророка Мухаммеда, отразил, по мнению Л. А. Баширова, именно такую систему ценностей, которая видит в религии основу идентичности народов [1, с. 43]. Религиозно-культуовая составляющая, вплетаясь в ткань самосознания народов, может на отдельных этапах обострять отношения между ними или, напротив, выступать под знаменем национально-освободительной борьбы, «конфессионализировать» культуру того или иного народа или послужить стимулятором формирования самостоятельного, в том числе и теократического государства. В отечественной науке – религиоведении, этнологии, политологии – сегодня сложились две полярные точки зрения на возможности религии как фактора интеграции (дезинтег-

рации) этносов. Меньшинство делает акцент преимущественно на негативной и дифференцирующей роли религии в современном российском обществе. В большинстве своем исследователи, напротив, подчеркивают, что в настоящее время в России особенно усиливается роль религии как стабилизирующего фактора общественной системы [9, с. 160]. С такой точкой зрения согласен и один из виднейших современных иерархов Русской православной церкви – патриарх Пимен. Он прямо отмечал: «...несходство в самосознании и последователей разных религий отнюдь не означает невозможность для них иметь взаимопонимание, согласие и сотрудничество» [4, с. 3].

Таким образом, на современном этапе религию не приходится однозначно рассматривать в качестве объективного этнообразующего и тем более этноразделяющего фактора. Однако в содержательном плане вклад религии в формирование культуры и самосознания каждого этноса очевиден. В конечном счете, характер и прочность связей конфессионального и этнического, национального зависят от конкретных условий развития экономической, политической и духовной жизни народов, а также тех государств, на территории которых они проживают. Учет этноконфессионального аспекта в государственной политике – дело сложное, деликатное, требующее ответственности и серьезного научного анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баширов Л. А.* Онтологическая природа этнического и религиозного феноменов // Государство и религия. Церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень. М., 2006. № 1, 2. 242 с.
2. *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. Ч. II: Церковь и школа: вера, творчество, образование». 2-е изд. СПб., 1899. 373 с.
3. *Немиров Б. А.* Буддизм и его этнические видоизменения // Вестник Знания. 1904. № 4.
4. Пимен, Патриарх Московский и всея Руси. Слово // Журнал Московской патриархии. 1977. № 8.
5. *Рогожин Н. М., Санин Г. А.* Россия и Украина в XVI–XVIII вв. // История и историки: историогр. вестн. 1965–2004. М., 2005. 363 с.
6. *Строев Е. С.* Проблемы российского самосознания // Вопросы философии. 2007. № 4.
7. *Дайсэцу Тайтаро Судзуки.* Основы дзэн-буддизма // Буддизм. Четыре благородных истины. М., 1999.
8. *Токарев С. А.* Проблемы периодизации истории религии // Вопросы научного атеизма. М., 1976. Вып. 20. 308 с.
9. *Тишков В. А.* Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2008 гг. Оренбург, 2008. 184 с.
10. *Штернберг Л. Я.* Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции. Л., 1933. 187 с.